

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

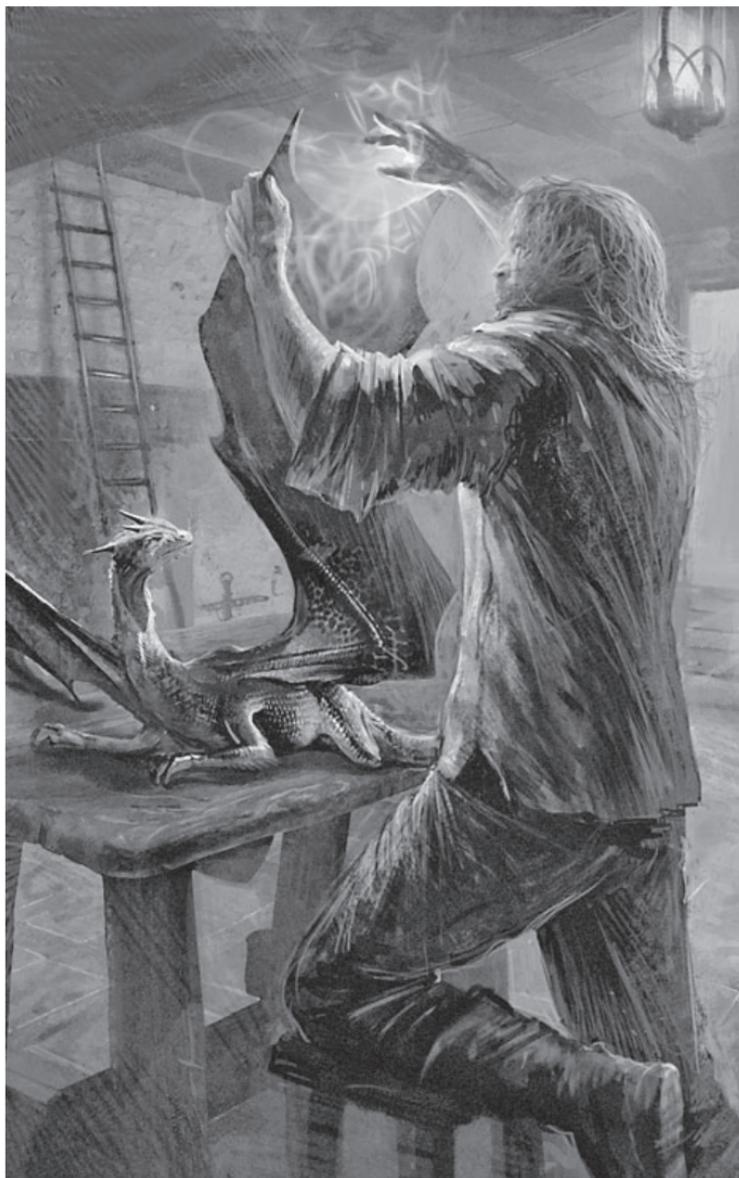
НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

МОНАХ
МОНАХ. ПУТЬ К ЦЕЛИ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ
МАГ
ВОЕНАЧАЛЬНИК
СЕРЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ПУТЬ К ЦЕЛИ

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 472

Художник
С. Дудин

Щепетнов Е. В.

Щ56 Монах. Путь к цели: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1489-5

Учить драконицу летать — что может быть сложнее? Особенно если ты бескрылый человек, умеющий только лишать жизни врагов. А их столько! Ткни пальцем — и угодишь во врага, умного, хитрого, умелого. Не просто избавить мир от Зла. Но надо стремиться к этому, тем более если тебя, как ты думаешь, для того и забросили в параллельный мир. И снова идет по миру Андрей, бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах, а теперь — учитель драконов и борец со Злом. Что ждет его в конце пути?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1489-5

Пытаюсь отгадать загадку, что вокруг меня,
Но чем я ближе к ней, тем больше сам боюсь себя.
Silence Dead

ГЛАВА 1

— Вход пять медяков! И за животное медяк! — Солдат в воротах злобно прищурился на Андрея, как будто тот намеревался украсть его любимые портянки.

Андрей не раз замечал, что некоторые люди, получая даже минимальную власть — например, власть «не пущать!», — становятся совершеннейшими монстрами, тиранами, злобными жабами, вымещающими свою несчастную жизнь на тех, кто, по их мнению, стоит ступенью ниже на социальной лестнице.

Спорить он не стал, молча отдал шесть медяков, не глядя в глаза этому хилому чахоточному адепту правопорядка, и, подпернув на спине вещмешки, зашагал через ворота на столбчатую Привратную площадь.

В голову почему-то пришло воспоминание о милиционерах, которых он встретил некогда на московской улице. Они решили проверить у него документы и долго мурыжили, придираясь к штампу прописки, по их мнению недостаточно хорошо пропечатанному. (Чертовы заказчики, готовившие документы! Заказ на человека стоил сто тысяч долларов, а эти уроды не могли потратить немного денег, чтобы сделать приличные доки!) Тогда он отдал им тысячу рублей, чем эти менты удовлетворились, не зная, как близки были к смерти. Андрей мог переломить их худые шейки за доли секунды, так что они не успели бы этого и осознать. Он был профессиональным наемным убийцей, бывшим спецназовцем, работающим по контракту на тех, кто заплатит. Впрочем, он не без оснований подозревал, что заказчик у него один — полугосударст-

венные и государственные структуры, устраняющие неугодных им людей.

В конце концов шлейф его грехов стал настолько ощутимо пахнуть серой, что руководство решило убрать киллера, знающего слишком много. Закономерный конец любого наемного убийцы. Вот только Андрей не был любим. Он был убийцей высшего класса, можно сказать — из элиты профессиональных убийц. Он почуял момент X и исчез. Вначале в сибирский монастырь, а оттуда — непонятным образом в этот мир. Как он тут оказался, он не знал. Просто лег спать в своей монастырской келье и проснулся в этом мире. Он не раз размышлял о произошедшем, но неизменно приходил к заключению, что лучше проснуться в таком дерьмовом мире, чем проснуться вообще.

И вот теперь, пройдя череду испытаний, приключений и преобразований — в том числе и телесных, — он оказался в главном городе Славии, ее столице — Гаранаке, с грузом драгоценных драконьих чешуек в рюкзаке и драконом на плече — вернее, драконицей, маленькой, ехидной, злобной фурией, именуемой Шантаргон, в просторечии — Шанти.

Конечно, сидела она на плече не в виде маленького дракона — это крылатое племя умело принимать обличье любого животного, которое жило в этом мире или которое мог представить их причудливый разум. Только вот людей представлять не могли — все-таки ходить на двух ногах сложнее, чем на четырех. Навык нужен. Опять же — люди заметны, а кошки или мыши — кто на них обращает внимание? Люди и драконы уже много тысяч лет жили рядом, но знали об этом только драконы...

Шанти отправилась с Андреем неспроста: когда он в результате борьбы с лесным оборотнем нахлебался его крови, то сам стал оборотнем, обретя новые способности — например, теперь он видел ауры людей и зверей и мог лечить.

Совершенно подсознательно бывший монах видел по ауре болезнь и устранял недуг. Вот только искалеченной Шанти он пока не мог помочь — нужна была хирургическая операция и специальные инструменты, дорогие и редкие. Для того он и пришел в столицу, чтобы найти эти инструменты и сделать

операцию. Впрочем, не только для того. В столице жили его друзья — Федор Гнатъев, бывший вояка, мастер фехтования, и его любимая женщина со своей маленькой дочкой, которых Андрей и Федор встретили в путешествии и взяли с собой. Женщину звали Аленой, а ее дочь — Настенкой. Когда наемники по приказу сумасбродного графа, кузена которого Андрей убил на дуэли, захватили монаха, он велел Федору и Алене ехать в столицу, устраиваться там и ждать его — если выживет, он обязательно их найдет.

У Федора хранились все деньги, все ценности, которые Андрей забрал с убитых им исчадий, служителей демона Сагана, единственного божества Славии. Где в столице искать Федора, Андрей не знал. В общем-то Гаранак не был его целью — путь Андрея и его спутников лежал в Балрон, соседнее со Славией государство, где исчадия считались врагами и куда не допускались ни под каким видом. Некогда Андрей обещал одному хорошему человеку, убитому на Круге на потеху толпе, что он позаботится о его дочери, живущей в Анкарре, столице Балрона. Девушке было то ли семнадцать, то ли восемнадцать лет, и звали ее — Антана.

В любом случае Андрей не собирался задерживаться в Славии — у него буквально земля горела под ногами, после того как он навел террор среди исчадий, занявшись тем, что умел лучше всего — убивать. Его захватили, заставили выступать на Круге, где изощренно лишали жизни тех, кто хранил приверженность Светлому Богу, а также преступников всех мастей, которые не сумели откупиться.

Андрей выжил на Круге, снова попал в застенки исчадий, освободился, убил всех тех врагов, кто оказался рядом, и сбежал вместе со своим другом Федором.

К столице он прилетел на драконице — матери Шанти, громадной драконице Гаре, которая, оставив дочь на попечение Андрея, улетела по своим делам. Фактически Андрей снял с нее громадный груз ответственности — уже сто лет драконица кормила свою покалеченную людьми дочь, отсиживающуюся в темной пещере.

Теперь Андрей был Шанти за мать — правда, та этого не признавала и считала Андрея и весь род людской недалекими,

глуповатыми существами, особенно по сравнению с драконами, мудрой, великой и долгоживущей расой. Впрочем, Андрей до сих пор не знал: а сколько же он сам может прожить? Его раны заживали за считанные минуты или часы, его скорость в сравнении со скоростью людей была выше в несколько раз, если не в несколько десятков раз. Он был многократно сильнее обычного человека.

Сколько живут оборотни? Андрей этого не знал, тем более что на Земле эти самые оборотни считались персонажами вымышленными, сказочными, и он не интересовался вопросами их метаболизма и сроками жизни. И так, теперь оставалось найти Федора в большом городе и отправиться дальше, к границам Славии.

— Чего это за тебя взяли пять медяков, а за меня медяк? — недовольно буркнула, потягиваясь на плече Андрея, Шанти, принявшая обличье черной кошки. — Я считаю, что это несправедливо! Я стою дороже тебя! Люди вообще не умеют правильно оценивать объекты и ситуации. Посмотри, как я прекрасна, а от тебя пахнет потом. Ты когда последний раз мылся?

— А сама-то? — фыркнул Андрей. — Ты-то когда мылась? Постеснялась бы уж! Сто лет просидела в грязной дыре, а еще рожи корчишь! Вообще непонятно, как ты не стала идиоткой, сидя в темной пещере и не получая никакой информации. Любой человек бы свихнулся от такой жизни — жрать да гадить, жрать да гадить, и так сто лет. Кстати, может, потому ты и такая придурковатая? Все время несешь всякую чушь. Может, ты свихнулась?

Шанти зашипела и выпустила когти, проткнувшие одежду и впившиеся в плечо Андрею. Тот поморщился и негромко сказал:

— Если ты еще раз сделаешь что-то подобное, то я тебя кину куда подальше! Поняла?

Кошка зашипела и еще глубже впилась в плечо человека, не признавая его главенство, и тогда он схватил Шанти поперек туловища, оторвал от себя и так метнул ее через всю улицу, что она, пролетев метров пятнадцать, завершив красивую дугу, плюхнулась в мусорный бачок возле какого-то трактира.

Вдобавок ко всему вышедшая из трактира служанка выплеснула в бак ведро помоев, и страдалица в кошачьем обличье вмиг оказалась покрыта слоем жирной воды, в которой мыли тарелки, и кусочками объедков.

Андрей усмехнулся и прибавил шаг, постаравшись убежать подальше от места предполагаемого выплеска гнева разъяренного дракончика. И тот не заставил себя ждать: дикий кошачий вопль, наверное, слышали у городских ворот, а выскочившая из бачка фурия с горящими глазами, торчащими усами и оскаленными белыми зубами напоминала настоящего демона, отчего служанка чуть не упала в обморок и долго материлась на это кошачье отродье, размножившееся так, что людям житья нет никакого. Потом этот демон кошачьего рода припустил по улице за одиноким, быстро шагавшим путником, задрав хвост и шипя так, будто это была не милая кошечка, а клубок ядовитых змей. Впрочем, ядовитые змеи в этот момент не сравнились бы по злобе и ярости с «милой кошечкой» — столько ругани Андрей не слышал очень давно и потому рассердился еще пуще, заявив, что, если ее поганая пасть не закроется, она никогда больше не будет восседать на его плече как важная персона, а будет или тащиться за ним следом, сбивая свои нежные лапы, или же поедет в мешке, как крыса. И если она и в дальнейшем хочет, чтобы он имел с ней дело, то пусть учится вести себя пристойно, не царапать его, не кусать, не обзывать... и вообще, перечень того, что ей делать нельзя, он озвучит позже. Потому что перечисление всего займет слишком много времени, а им надо устроиться в гостиницу, а прежде — пообедать. Кроме того, он не пустит на свое чистое плечо какую-то помойную кошку, от которой воняет, как из мусорного бачка.

Шанти еще немного поругалась — больше для виду, чтобы показать свою независимость, а потом побрела за своим спутником, уныло повесив голову.

В действительности-то ее шерсть не пострадала по одной простой причине — шерсти этой на самом деле не было. Ее облик кошки был лишь иллюзией, под которой находилось тело маленького дракона, но вот этому маленькому дракону досталась порция помоев, и теперь он и вправду сильно отдавал от-

бросами. И идти ей было трудно — за сотню лет сидения в норе не больно-то научишься ходить как следует. Тем более что для дракона хождение само по себе унижительно: стихия дракона — небо! Так что хоть человек и отвратителен, но Шанти принимает его условия — это она так заявила после тирады Андрея. На что он ей повторил, что озвучит список ее прегрешений и условий будущего сотрудничества позже, в удобное для него время. А пока пусть эта крысодраконница не болтает как заведенная, а шагает за ним след в след, и поближе, иначе на нее наступит какая-нибудь лошадь.

Шанти немедленно приблизилась настолько, что Андрей стал опасаться, что она оттопчет ему пятки или он врежет пяткой ей по морде. Брать ее на плечо он и вправду не хотел — от драконницы шел просто невероятный по своей гадостности запах. Пахло дерьмом и дохлой кошкой одновременно. Ему подумалось, что в трактир, из которого выносят такие пахучие нечистоты, ходить не стоит — чем они кормят постояльцев, если объедки так воняют?

Заметив вывеску с нарисованной на ней постелью и сладко спящим мужчиной, Андрей свернул к этому дому, небезосновательно полагая, что здесь находится гостиница не слишком высокого пошиба.

Так-то денег у него хватало — золотишко оттягивало пояс, и довольно внушительно, но устраиваться в дорогих гостиницах, не зная, сколько времени уйдет на поиски друга, было бы расточительно и потому неправильно. А еще неправильнее было бы засветиться.

Он знал еще по Земле, что все крупные элитные гостиницы обязательно стучат о подозрительных постояльцах в компетентные органы, и не сомневался, что здесь происходит то же самое. Человеку, находящемуся в бегах, излишняя известность как нож острый. Поэтому он сразу отправился из центра города в район попроще, где надеялся найти гостиницу без изысков.

Толкнув дверь, он оказался в помещении, вызвавшем ностальгические воспоминания: в подобном трактире он работал долгие месяцы своей жизни в этом мире — вначале разнорабочим, а потом вышибалой, вместо убитого гвардейцами исча-

дий парня. Похоже, все заведения подобного типа строились по одному проекту — лестница наверх напротив входной двери, стойка, за которой трактирщик, такой же как и во всех мирах, меланхолично протирал кружки и стаканы, зал, уставленный столами, способными сопротивляться не только напору пьяных возчиков, схватившихся в ритуальной вечерней драке, но и приземлению летающей тарелки — дубовые столы были монументальными. Андрей не удивился бы, если бы те были наглухо привинчены к полу, чтобы не служить таранами пьяным гостям. Массивные стулья имели следы перелетов из одного конца комнаты в другой, но стоически держали форму благодаря умелому столяру, изготовившему их много лет назад. Возраст мебели подчеркивали многочисленные следы попок в виде несмываемых винных пятен, царапин от ножей и вмятин от своих братьев, летящих снарядами по воздуху.

«Веселое заведение!» — подумал Андрей и шагнул к стойке с вялым трактирщиком. В воздухе пахло мясом и приправами, так что его живот отреагировал на запахи бурным урчанием, а рот — обильным слюноотделением.

— Что хотел? — скучно спросил трактирщик, не переставая манипулировать с кружками. Со стороны это напоминало то, как если бы буддист меланхолично вращал молитвенный барабан вокруг оси и бубнил про себя: «Ом мани падме хум! Ом мани падме хум!»

— А чего обычно хотят в трактирах и гостиницах? — усмехнулся Андрей. — Поест, снять комнату, отдохнуть. Или у вас ничего этого получить нельзя? Тогда я пойду в соседнюю!

— Конечно, конечно, можно! — послышался женский голос, и из кухни вышла высокая привлекательная женщина лет тридцати — тридцати пяти. — Урквар, болван, не видишь, человек хочет поест и снять комнату?! Ты чего их натираешь? Займись делом наконец! Видишь, с каким людьми мне приходится работать? Двоюродный брат — и выгнать жалко, а работает как во сне! Спит на ходу! Ой, какая кошечка! — Женщина широко улыбнулась и потянулась к отпрянувшей Шанти. — Ну-ну, Олра тебя не укусит!

«Кто кого еще укусит!» — буркнула Шанти.

— Помыться только тебе надо — такая милая кошечка и так воняешь! Ну так что ты хотел снять, уважаемый? Комнатку подешевле? Или что-то более приличное?

— Хм... что-то среднее. Мойня тут у вас есть? Хорошо, мне бы не помешало сполоснуться, как и моей спутнице. Давайте нам комнату, мы бросим вещи, сходим в мойню, а вы пока что приготовите нам обед. Побольше мяса, и лучше с кровью. Молока, сладкого чего-нибудь — пирогов, например, и-и-и... пива. Светлого, холодного. Кстати, у вас как тут, спокойно? Не сильно буйный народ?

— Когда как, — словно извиняясь, улыбнулась хозяйка гостиницы, — сами знаете, как подопьют — все бывает. Но обычно быстро утихомириваем, Никат хорошо справляется. — Она кивнула головой на сидящего в углу массивного мужчину со сломанным носом и прижатыми к голому черепу сплюснутыми ушами, по виду бывшего борца или кулачного бойца. — Сейчас Урквар ответит тебя в комнату, выдаст ключ от двери, и можешь воспользоваться мойней — она у нас бесплатная. Извини, не в обиду, деньги за комнату и обед мы берем вперед — времена смутные, пойми правильно. — Женщина смущенно улыбнулась. — Комнату на сколько времени будешь снимать?

— Пока на сутки, потом продлю.

— Хорошо. Пять серебряников за ночь. И за обед три серебряника. Извини, все-таки столица — все дорого. Ты же откуда-то с севера? Там у вас подешевле. Нам везут дичину уже с двойной накруткой...

Андрей расплатился, достав заранее приготовленные деньги из кармана куртки — не лазить же в пояс на глазах у всех, — и пошел следом за трактирщиком вверх по лестнице.

Комната ничего интересного собой не представляла. Двухспальная кровать, столик, тумбочка — будто попал в провинциальную гостиницу. Не хватало только торшера и старого неработающего телефона. Туалета и душа, конечно, тоже не было.

Оставив рюкзаки, Андрей достал из одного смену белья, мыло, полотенце и отправился вниз в поисках купальни. Шанти со страдальческой миной побежала за ним, всем своим

видом изображая непереносимые муки, которым подверг ее жестокосердный человечишка. Она нарочито хромала, а когда Оля жалостливо заметила что-то о больной кошечке, так сильно страдающей, стала хромать ее больше, напоминая моряка дальнего плавания, только что ступившего на твердую землю, шатающегося и пытающегося найти равновесие.

Андрей иронически отнесся к ее попыткам вызвать жалость окружающих и пристыдить бесстыжего человека и, входя в мойню, заметил, что лучше бы смотрелось, если бы она пустила пену и поползла на одних передних лапах — это вообще произвело бы фурор. Шанти зашипела и, обнаружив, что их уже никто не видит, пошла как следует, подпрыгивая волейбольным мячом от переполняющих ее недобрых чувств.

В мойне стояли большие деревянные корыта и маленькие тазики. Андрей тщательно вымыл одно корыто, наполнил его и едва успел поймать в воздухе вонючее существо, которое с мстительной радостью намеревалось плюхнуться в воду, приготовленную для человека.

— А вот фигурки! Это корыто не для вонючек! — Андрей погрозил пальцем дракончику. — Идем-ка сюда. Вот, вот, в кадочку ныряй... Моем, моем трубочиста чисто, чисто, чисто, чисто, будет, будет трубочист чист, чист, чист, чист... Ну вот, теперь ты похожа на праведного дракона, а не на кусок старой ветоши из помойки. Теперь моя очередь помыться... если сумею отмыться после тебя. Все, не мешай!

Андрей с наслаждением погрузился в корыто, оставив на поверхности лишь лицо, и замер, наслаждаясь теплом и покоем. Он отбросил все мысли, сосредоточившись лишь на ощущениях здорового тела, требующего пищи и отдыха. Ноги слегка гудели, отходя от пешего перехода, — драконица не стала подвозить их слишком близко к городу, чтобы никто не заметил ее прибытия, так что им пришлось несколько километров тащиться пешком. Вернее, не им — ему, потому что Шанти путешествовала на его плече.

От мыслей его отвлек чей-то мокрый зад, который, плюхнувшись ему на лицо, погрузил его в горячую воду. Андрей вынырнул, очумело кашляя, и успел заметить, как за дверями мойни скрывается черный хвост террористки, громогласно

хохочущей и обещающей ему дальнейшие кары за неуважительное поведение.

Андрей улыбнулся, покачал головой и принялся намазывать мочалку — некогда разлеживаться. Есть хотелось невероятно. Он всегда подозревал, что есть верный и, наверное, единственный способ убить оборотня — ну кроме сожжения: запереть его в каменном мешке и не давать есть несколько дней. Смерть гарантирована. Его тело с ускоренным обменом веществ съест само себя.

Через двадцать минут он уже сидел за столом и поглощал горячее мясо с кровью. Раньше он такое не ел, предпочитая хорошо прожаренные бифштексы, но с обретением способностей оборотня приобрел и некоторые привычки, присущие Зверю, — например, иногда ему очень хотелось поестъ свежей убоины, еще исходящей паром на прохладном воздухе, и попить крови...

Шанти сидела рядом и глотала кусочки говяжьей печенки, стараясь делать это пристойно и аккуратно — после обещания Андрея, что он скинет ее со стола и дракончик пойдет есть со всеми кухонными кошками, возле помойного ведра. Посмотрев на это скопище ободранных, покрытых шрамами и блохами кошанов, Шанти согласилась, что хорошие манеры пристали добропорядочному дракону, и теперь являла собой пример воспитанности и хороших манер.

Андрей за считанные минуты, хоть и сдерживал себя, смел все, что было подано на стол, заказал еще пару пирогов с оленьей и в ожидании заказа, принятого подавальщицей в чистеньком, застиранном сарафане, налил себе холодного пива. Отдуваясь, попивал его, чувствуя, как шипучая жидкость заливает жажду от съеденного мяса.

Он попросил положить в мясо поменьше специй — с некоторых пор его чувствительный нос перестал воспринимать специи и различные приправы как необходимые принадлежности любого вкусного блюда. То, что раньше он чувствовал как приятный аромат, теперь его чувствительный нос ощущал как жуткую, ураганную вонь. Приходилось и самому мыться почаще — нюхать себя, грязного, целыми днями было просто невыносимо.

Некоторые способности Зверя ранее проявлялись, только когда он перекидывался в него из человека, в последние же дни они почему-то стали проявляться явно и ярко — например, он великолепно видел в темноте, а кроме того, мог постоянно видеть ауры людей, зверей и предметов. Да, у предметов тоже были свои ауры — слабые, но были. Что эти ауры означали, Андрей пока не мог понять — если ауры живых существ указывали на состояние их здоровья, то что значила оранжевая аура вон того стула? Или же смесь аур вон той табуретки?

Поразмышляв над этим фактом, он пришел к неожиданному выводу: это остатки аур людей, которые касались этих предметов. То есть, сделал он вывод, ауры могут оставаться на предметах, как отпечатки пальцев или же запах. Кстати, и запах он тоже ощущал, и после того, как ощущал какой-то из запахов вкупе с видом остатка ауры, в его мозгу возникал образ этого человека — схематичный, неполный, но образ. Например, вон там несколько часов назад сидел толстый человек с басистым голосом и большими руками, ростом выше Андрея — настоящий великан. А с ним рядом была молодая девушка — ноздри Андрея раздулись, вдыхая ее мускусный запах... Проститутка — сделал он вывод. Дешевые вонючие духи, запах нескольких мужчин, смешивающийся с ее запахом... Монах поморщился: запах порока был настолько очевиден, что воротило с души.

Нет, он был не против этой древнейшей профессии — глупо бороться с тем, что существует тысячелетиями. Однако и умиляться этому явлению не собирался. Его не трогали рассказы о том, как несчастные девушки попадают в сети сутенеров и начинают свою ужасную деятельность, страдая и плача. Он знал многих проституток и услугами многих из них пользовался — от самых дешевых, тысячерублевых, до самых дорогих, элитных, подрабатывающих своей ухоженной вагиной в свободное от показов модных платьев и фотографирования в нижнем белье время. Так вот, многим из них нравилась их работа. Нравилась жизнь, которую они вели. А о том, что когда-то это закончится, и закончится, возможно, дурно, — об этом они не думали. Ну что же, каждый выбирает свою дорогу в жизни, или, скорее, дорога выбирает его. Они закончат дур-

ной болезнью или ножом пьяного клиента, а киллер — стрелой... или пулей в лоб. У всякой профессии свои издержки. Вот у него — какая сейчас профессия? Монах? Киллер? Охотник за нечистью? Скорее все, вместе взятое. Вот только методы, которыми он попытался искоренить Зло, оказались совсем негодными, и вместо того, чтобы уменьшать количество Зла в мире, он лишь увеличивал его, и делал это вполне успешно.

Ему показалось, что кто-то далеко-далеко рассмеялся глумливым, издевательским хохотом, и Андрей тряхнул головой, отгоняя дурные мысли.

— Что, голова болит? — раздался голос рядом.

Андрей поднял глаза и увидел, что подле его стола стоит хозяйка гостиницы, держа в руках миску с горячими пирогами. Она улыбнулась и, поставив миску на стол, спросила:

— Можно, я присяду за твой стол? Не будешь против? Не помешаю?

Андрей равнодушно пожал плечами:

— Присаживайся. Не помешаешь.

Женщина присела на стул, а монах взял из миски кусок пирога, разломил пополам и, откусив от него, посмотрел на женщину. Он еще раньше отметил, что молодуха приятна лицом и фигурой — гладко зачесанные волосы заплетены в косу, сарафан, украшенный вышивкой, округлые бедра, обтянутые тесноватым подолом, и красивые руки с небольшими перстеньками. Обручального кольца не было — женщина незамужняя, сразу понял он. И еще он учуял возбуждение, самка хотела самца — нюх Зверя уловил это сразу, как только та оказалась возле столика. Аура женщины была здоровой, и только в одном месте полыхал небольшой красный язычок — что-то с рукой. Андрей взглянул на левую руку — она была перевязана белой чистой тряпицей.

— Порезалась сдуру! Точильщик так наточил ножи, что как булатная сабля режут, а я сдуру и цапнула за лезвие. Вот теперь хожу как после битвы. Ты, наверное, удивлен, чего это к тебе баба прилезла, да? — проницательно глядя в глаза, спросила женщина.

Андрей услышал в голове голос Шанти: «Она тебя хочет заманить на совокупление, это понятно даже бродячим кошкам! Я чувствую, как она возбуждена».

— Я увидела интересного мужчину, решила с ним поговорить. Тут так скучно — одни пьяные рожи да вот этот сонный телок. — Олра кивнула на своего кузена. — А я люблю слушать о путешествиях, о том, что делается в других городах и землях, что вообще на свете делается. Особенно когда мне рассказывает такой симпатичный мужчина.

Она игриво подмигнула, а Андрей с усмешкой подумал: «Внаглую снимает меня! Я снимал женщин, но чтобы меня... А графиня Баданская, забыл? Да что же это за поветрие такое пошло — бабы начали вешаться мне на шею! Раньше я такого не замечал... новая способность Зверя? Вероятно. Я где-то читал, что оборотни всегда были в чести у женщин, те как будто бы клюют на звериное начало в мужчине, хотят brutального, сильного самца. Как-то определяют такового в человеке и подсознательно желают с ним размножаться, рожать от него такое же brutальное и сильное потомство. Впрочем, это лишь мои умозаключения...»

— Да что там, в других городах? — пожал плечами Андрей. — Такие же люди, такие же трактиры — один в один. Ты думаешь, если они живут за тысячу верст отсюда, то перестают лгать, воровать, любить и ненавидеть? Все то же самое. Все, как тогда, когда... — Он чуть не сказал «когда их создал Бог». До сих пор он не мог избавиться от многолетних привычек.

Здесь упоминание Бога было равносильно смертной казни. Тут же кто-нибудь бы донес, и участь боголюбца — оказаться на смертельной арене Круга или умереть на жертвенном алтаре во время кровавого жертвоприношения исчадий.

— Нет, люди те же, — улыбнулась Олра, — но мне же как-то надо было начать разговор, правда? Вам, мужчинам, легче — подошел к понравившейся женщине и давай расписывать ей прелести общения с таким красивым и умелым во всех отношениях парнем. А нам, женщинам, что делать? Тебе не кажется, что общество просто душат условности?

Андрей чуть не поперхнулся: встретить феминистку в параллельном мире, в средневековом обществе — это нечто диковинное!

— Я тебя смутила своими странными высказываниями, да? — Женщина улыбнулась и розовым язычком облизнула верхнюю губу. — Ну вот такая я, какая есть. А ты какой есть, путник? Да, что касается «есть» — это ты на высоте, да! Давно не видала, чтобы кто-то так красиво и много ел. Ты как будто неделю голодал, хотя по тебе и не видно. Одежда новая, как из лавки, кошечка сытая и ухоженная, вряд ли ты нищенствуешь. Пояс хорошо набит, и в нем позванивают монеты — я запах денег чую издалека. Но одет скромно, чтобы не бросаться в глаза. На исчадие не похож, скорее на... хм... В общем, странная ты личность, мой уважаемый гость. Что тебя привело в этот поганый город, средоточие порока и зла? Сидел бы себе в глухой чащобе, общался со зверюшками и птичками, зачем ты пришел в этот каменный лес?

— Слушай, ты стихи не пишешь? Песни? — усмехнулся Андрей. — У тебя бы получилось.

— Ты думаешь? — Лицо Олры озарилось внутренним светом. — А ведь мне иногда хотелось попробовать себя в сложении песен. Я пою, и неплохо. Но под настроение, когда выпью и станет тоскливо...

— Можно спросить?.. — начал Андрей, и женщина сразу его перебила:

— Где мой муж, где мои дети, да?

Ее лицо как-то увяло, и Андрей пожалел о своем любопытстве. Ведь именно это он и хотел спросить. Странно, что у такой красивой и уверенной в себе женщины нет мужа и детей, это в ее-то возрасте, что для патриархального средневекового общества категорически невозможно.

— А нет у меня ни мужа, ни детей. Не могу я иметь детей. Вот и мужа нет. А гостиница досталась от отца, он умер три года назад. С тех пор я одна веду дела. Мать умерла давно — нашли в переулке с ножевой раной в спине. За двадцать серебряников убили. Это же столица... — Ее лицо стало совсем грустным. — Сбежала бы отсюда, да ведь все деньги тут. Где заработаешь больше? И сижу здесь, и буду сидеть, и помру здесь...

а вон тот хряк или его дети унаследуют трактир. Мне-то больше оставить некому. Почему я тебе рассказываю? А почему и нет? Ты симпатичный мужчина, сегодня здесь, а завтра ушел — и нет тебя. И забыл про меня. И я про тебя. Я душу излила, мне стало легче. А ты посидел в компании с красивой женщиной, которая обратила на тебя внимание, разве не приятно? — Глаза женщины смеялись, и Андрей тоже улыбнулся.

«Очень умна, — решил он. — И похоже, что на ней лежит проклятие, как на многих умных женщинах: где найти такого же умного, как она, чтобы жена не подавляла своим интеллектом, чтобы он не чувствовал себя ущемленным, придавленным ее умом? То-то же... Без проблем выходят замуж дурочки или маскирующиеся под дурочек — они хихикают, жеманничают, при первом удобном случае затаскивают жениха в постель, залетают... хм... а вот тут как раз и проблема. Детей иметь не может — значит, пустая, бесполезная, по понятиям Средневековья... Вот только все равно кто-то был бы рядом с ней — гостиница, трактир, обеспеченная женщина. Опять же — красивая и, похоже, очень сексуальная. Вон как многозначительно губы облизывает...»

— Думаешь, почему со мной рядом мужика нет? — усмехнулась Олра, как будто прочитав его мысли. — Не удивляйся, вы, мужики, для меня прозрачны, как стеклышки. У тебя все на лбу написано. И не три лоб, бесполезно! Эти слова татуировкой на нем впечатаны, — рассмеялась она, когда Андрей в шутку стал тереть лоб.

Ему нравилась эта женщина, такая непохожая на остальных женщин этого мира. Скорее она походила на мужчину — своим умом, смелостью в высказываниях и неординарностью мышления.

— Ну скажи, зачем мне вот такой муж, а? — Она указала на сонного бармена. — Или вот такие? — Она незаметно кивнула на компанию из четырех краснолицых купцов, осоловело хлебляющих из глиняных стаканов красное вино и спорящих о том, кто в эту поездку больше заработал и какую девку купит. — О чем мне с ними говорить? И притом, они все норовят посвататься за гостиницу, а не за меня, понимаешь? Ну на кой черт он мне нужен, такой муж? Деньги у меня и так есть, а му-

жика на ночь я всегда найду. Ведь все-таки я красивая, согласишься? — Она заложила руки за голову и глубоко вдохнула, отчего ее высокая грудь поднялась и едва не разорвала лиф са-рафана.

Один из купцов промычал что-то, и все четверо стали жадно присматриваться к столику, за которым сидели Андрей и Олра. Самый пьяный, глупо улыбаясь, приподнялся со стула с явным намерением подойти к парочке, но натолкнулся на холодный взгляд Андрея. И было в этом взгляде что-то такое страшное, смертельное, что купец побледнел и плюхнулся на место, с испугом отвернувшись и начав делано смеяться какой-то шутке своего приятеля.

— Хм... а ты сильный человек... — удивленно протянула Олра. — Тебя можно испугаться, да... вроде и невидный, неприметный, но такой... жесткий, как вот этот кинжал, что у тебя на поясе...

«Все успела заметить, Шерлок Холмс в юбке, — уважительно подумал Андрей. — Ну и ну...»

— ...и такой же опасный, как стальной клинок. Ну так что же привело тебя в столицу? Я уже тебе все мои тайны рассказала, чуть не до описания моего месячного цикла, а ты молчишь и молчишь! Может, ты вообще не умеешь говорить, а?

— Ну ты же сказала, что тебе надо, чтобы выслушали, и только. Нет? — с усмешкой спросил Андрей. — Тогда, может, стоило усадить перед собой кухонную кошку и наговорить ей всего? Зачем это рассказывать первому встречному?

— Кошке неинтересно — пробовала! — хихикнула Олра. — Притом она долго не сидит, сбегает. А ты не сбежишь — за комнату-то уплатил! Вот и слушай теперь в довесок к услугам мою дурацкую исповедь. Кстати, а у тебя есть жена? Ведь нет же? Оставайся у меня. Будем вместе гостиницей управлять. Поставлю тебя управляющим, а там, может, и поженимся, а?

— Вон ты как жестко завернула! — от души рассмеялся Андрей. — Ты же даже не знаешь, как меня зовут. И тут же — поженимся!

— А чего, первый раз, что ли, иметь дело с мужиком, имя которого узнаешь... потом? — тоже расхохоталась Олра, вытирая выступившие слезы. — Но вообще-то ты крепкий — обыч-

но в этом месте мужики или сбегали, или требовали сразу вести их в магистратуру для регистрации брака. И тут же оформить завещание — на него, конечно. Вдруг меня черный понос прошибет?! Забо-о-отливые...

— Андрей меня звать, — решился монах. — А в столицу пришел — друзей я тут одних ищу. Федора и Алену. Вот не знаю, где искать, каким образом. Может, ты что-то посоветуешь? Откуда начать искать?

— Они на чем приехали? Или пешком пришли? Город-то большой, найти не так просто. Надо знать, куда, в какой район они могли пойти. Чем он занимается, твой Федор? Купец, возчик, портной или кожемяка? Понимаешь? Вот чем он занимается или занимался — среди своих, скорее всего, и пойдет искать приют.

— Охранник купеческих караванов, бывший. Потом стражник. А отец его купцом был. Где здесь у вас купеческий квартал? Где они обитают? А может, они в гостинице живут?

— Это вряд ли, — уверенно мотнула головой Олра. — Скорее всего, сняли жилье или, если деньги есть, купили. Но искать надо точно в купеческом квартале. Где же еще он будет чувствовать себя в своей тарелке? Не в квартале проституток же, в самом деле? Хотя охранник... шучу, шучу! Не хмурься! Вижу, что за друга порвать готов. И-и-эх... женись на мне, а? Не женишься? Почему-то я так и думала. Ну ладно. Тебе еще чего-нибудь подать? Может, вина? Или кошечке — молока? Вон как она притомилась, бедная! Ну спи, спи, красotka... не буду тебя гладить, нет. Не беспокойся. У меня была кошка — Фортунной звали. Она всех так драла, только клочки летели! В мою комнату и заходить боялись — она по шкафам бегала и когистой лапой, как рыбок, всех гостей выуживала. А то еще любила: спрячется за шкаф, как выскочит — и вцепляется в ногу. Тип один ко мне забрался — то ли обворовать хотел, то ли посмотреть, как живут трактирщицы... говорил, хотел просто спросить... Чего спросить? Зачем спросить?.. В общем, она его так изодрала, что пришлось лекаря вызывать. В ключья просто порвала. Сдается, и твоя красавица из той породы. Ну все, не беспокою — раз ты ничего больше заказать не хочешь и жениться на мне тоже не хочешь, сиди отдыхай. Уже вечер,

скоро музыкант придет, песни петь начнет. Потом народ соберется — там уже совсем весело будет, особенно когда еще музыканты подтянутся.

Женщина улыбнулась Андрею, встала, вздохнув, и решительно зашагала к кухне. Вскоре оттуда послышался ее недовольный голос — она отчитывала кухарку за какую-то провинность, а Андрей отхлебнул слегка потеплевшего пива и подмигнул своей боевой подруге.

— Ну что, когтистая, может, мне и правда остаться тут, заделаться важным трактирщиком, растолстеть и в конце концов умереть от ожирения?

— Это тебе не грозит, — фыркнула Шанти, поднимая голову и следя за людьми, проходящими по залу. — Когда-нибудь я тебе голову откушу, как только ты меня сильно рассердишь. Ты уснешь, я подкрадусь и отгрызу.

— Тогда спать будешь на улице, — невозмутимо парировал Андрей. — Я не могу подвергать свою жизнь опасности, засыпая рядом с таким злобным и коварным существом. На коврик пойдешь, к блохастым! Нахватаешься блох, наступит на тебя кто-нибудь, вот тогда и узнаешь прелести жизни кошачьей.

— К сведению: блохи на драконах не живут, — недовольно ответила Шанти. — И вообще, я пошутила. Ты абсолютно лишен чувства юмора! Ничего я тебе не собираюсь отгрызать. Если только так, для профилактики, слегка... чтобы не забывался.

— Во-во, о чем я и говорю. На коврик пойдешь! Печенки еще заказать тебе?

— Ох нет... облопалась, спать тянет. Я же кормлю ту часть тела, что находится в этом мире, а она маленькая, ей мало надо еды. Та часть, что в подпространстве, есть не просит. Ты говоришь, откуда я знаю про мир, если просидела в пещере сто лет. Почему я не сошла с ума... да сошла бы, если б не мама. Она передавала мне в картинках все, что видела и чувствовала сама... ну... кроме интимных подробностей, конечно. Так что я знаю все, что знает она. Ну почти все.

— Понятно. Значит, ты высокообразованная и разносторонняя личность?

— А ты сомневался? Кстати, а что ты думаешь делать с этой женщиной? Я ведь почувствовала идущее от тебя сексуальное влечение. Сразу заявляю: я спать за дверью комнаты не согласна! Хочешь с ней совокупляться — иди в ее комнату.

— Вообще-то я и не думал об этом, с чего ты взяла?

— Знаешь что, дорогой мой человек, это ты от себя можешь скрыть желания и мысли, а я, когда ты со мной разговариваешь, чувствую то, что ты чувствуешь. Впрочем, и то, что чувствую остальные существа вокруг, тоже. Как у вас называется это умение?

— Эмпатия. Хм... интересно. И что эта женщина чувствовала ко мне?

— Желание. Она хочет тебя, аж трясется.

— Да перестань! Я же только что пришел, как она может так в меня вторгнуться с первого взгляда? И я не красавчик...

— Хм... я не очень-то разбираюсь в людской красоте, но в сравнении с остальными мужчинами, что тут находятся, ты просто идеал красоты. Вероятно, ты не разбираешься в этом деле. Она правильно сказала: от тебя веет опасностью. Даже я тебя побаиваюсь. А мама тебя как заужажала! Она вообще мало кого уважает — для нее большинство существ сравнимы с насекомыми. А с тобой она как с равным разговаривает. Я удивлена.

— Кстати, а что у нее за история, связанная с Драконьей горой? Чего она так переживает?

— Это наше драконье дело. Не знаю, могу ли я посвятить в него тебя. Давай-ка оставим эту тему, хорошо? Есть такие вещи, о которых лучше не спрашивать. Я вот не лезу в твое прошлое? Ага, вот видишь! Чувствую, как ты сразу ошетинился, насторожился. Не хочешь, чтобы я лезла. Захочешь — сам расскажешь. Закажи-ка мне молока, хорошо? Что-то захотелось глотку промочить. Мне его не приходилось пить, когда я сидела в своей пещере. Если бы ты знал, как это страшно и плохо — годами сидеть в этой норе и знать, что нет выхода, что так будет вечно, что ничего не изменится...

Андрей подозвал подавальщицу и попросил принести миску и кружку молока. Девушка с улыбкой приняла заказ, глядя на сидящую торчком кошку, и через пару минут Андрей

уже наливал густое, пахнущее деревней молоко в неглубокую миску. Вот что хорошо было в этом мире — никаких тебе генно-модифицированных продуктов, никакого порошкового молока, все натуральное, все настоящее, а не на сое и химикатах.

Тем временем жизнь трактира входила в свою обычную колею — народ собирался, заказывал выпивку и закуску, в зале висел чад светильников, гул толпы. Послышались резкие звуки настраиваемых струн, и Андрей увидел темноволосого мужчину, на коленях которого лежал инструмент, напоминающий то ли мандолину, то ли гитару. Он минут пять сосредоточенно настраивал инструмент, а потом запел неожиданно чистым, вибрирующим голосом под сопровождение несложных аккордов. Песня была о любви, о верности, об уходящих годах. Зал притих, а когда песня закончилась, взорвался стуком кружек о столы — так посетители выражали свое удовольствие. Музыкант с достоинством кивнул и запел что-то новое, берущее за душу.

Андрей с удовольствием слушал певца. Так-то он не был таким уж любителем пения бардов, но хорошую музыку и хорошие стихи видно издалека. Олре повезло, что у нее в трактире выступает такой профессионал. Это точно увеличивает посещаемость заведения.

Кстати сказать, рулила своим заведением она очень даже виртуозно — трактир работал как отлаженная машина, без сбоев и остановок. Подавальщиц стало уже трое, они бегали между столами, обеспечивая гостей всем необходимым, кухарки быстро выдавали нужное блюдо, до того как гости начинали кричать, требуя скорейшей доставки заказанного. Олра стояла возле стойки, зорко следя за происходящим и время от времени отдавая команды, как капитан корабля с мостика, ведущий свое судно между опасных скал.

Какой-то из гостей решил оказать ей знаки внимания, она выслушала его с улыбкой и отрицательно мотнула головой, он все равно настаивал, и Андрей уже напрягся, готовый прийти на помощь, когда из угла поднялся вышибала. Встав между хозяйкой и подвыпившим гулякой, он всей своей громадной тушей оттеснил его в сторону и усадил на место, при-

миряюще улыбаясь. Улыбка человека с редкими зубами, шрамом через губу и сплюснутыми от ударов ушами была настолько страшной и многообещающей, что гость сразу утихомирился и замолчал, сделав вид, что не так уж было и надо. Не хочет она сидеть за его столиком — ну и ладно.

Андрей улыбнулся — в громадных габаритах и страшной физиономии есть свои преимущества. Ему в бытность вышибалой приходилось больше уповать на четкие, взвешенные фразы, взывать к логике, а когда не доходило — просто вырубать клиента. Впрочем, вскоре все завсегдаи знали, что с Андреем лучше не связываться, себе дороже. Хорошо, если только вырубит, а не покалечит. Но он старался не калечить, хотя и мог любого нарушителя порядка убить или изувечить в мгновение ока. Зачем калечить? Это же клиент, за счет которого живет заведение, даже если он сейчас и немного не в себе. Ему завтра снова приходиться и оставлять в трактире свои денежки.

Шанти, вылакав целую миску молока, свернулась клубочком и засопела. Выглядела она настолько по-домашнему, настолько уютно, что Андрею захотелось оказаться где-нибудь подальше от этого шумного сборища. И чтобы горел камин, потрескивая дровами, а на плече лежала голова красивой женщины с припухшими от поцелуев губами... Он увидел лицо этой женщины, и оно оказалось лицом Олры.

Андрей потрянул головой, отгоняя грешные мысли, и сосредоточился на музыке. Но, увы, в последний раз тренькнув тонкой струной, музыкант поклонился, обошел гостей с шапкой в руках и ушел в угол зала, где ему накрыли скромный стол. Мужчина пересчитал деньги из шапки, кривовато усмехнулся — мол, ну бывало и хуже! — и приступил к ужину. Ел он жадно, возможно, что перед этим у него целый день крошки во рту не было. «Что же, — подумал Андрей, — это вам не Земля, где придурковатые «певцы» получают бешеные гонорары за свои бездарные творения. Если их перенести сюда — с голоду бы сдохли. Их после первой же песни с позором бы выкинули из трактира».

— Эй, ты чего тут расселся один, как король?! И еще свою кошатину на стол выпер!

Андрей очнулся от своих размышлений и увидел перед собой того самого гостя, что приставал к Олре. Тот находился в тяжелой степени опьянения, когда на ногах еще стоят, но мозг уже не соображает, что делает тело. Андрей досадливо поморщился — ему ни к чему скандалы, драки, а этот тип только и напрашивался на разборки. Видимо, выбрал самого тихого и безобидного ботана среди посетителей и решил самоутвердиться, так сказать, взять реванш, после того как его унижил вышибала.

— Мы скоро уходим, — спокойно сказал Андрей. — И если ты вернешься на свое место, то не будет никаких неприятностей. После того как мы уйдем, ты займешь мое место. Договорились? Я тебя предупрежу, когда буду уходить.

Увы, на красном лице мужчины было написано лишь желание поставить на место этого тощего придурка с его дурацкой кошкой: «При чем тут место? Знай *свое* место, болван провинциальный!»

Андрей пожал плечами, встал, собираясь уходить, и краснотлицый радостно засмеялся, довольный одержанной победой. Не успел Андрей взять в руки дремлющую Шанти, как мужчина сбросил ее со стола движением руки, и та ощутимо плюхнулась на пол, проснувшись и яростно зашипев.

Вот есть люди, которым все мало. И люди, которые хотят, чтобы их убили. А чего же еще хочет тот, кто оскорбляет незнакомого ему человека, поливает его отборными ругательствами? Он что, считает, что так ему и сойдет с рук, и он так и пойдет по жизни, топча людей, измываясь над теми, кто слабее и беднее его? Кстати сказать, как ни странно, такие люди иногда забирались и на самые высокие ступени социальной лестницы. Ну как тот придурочный миллиардер, который заявил, что те, у кого нет миллиарда долларов, идут в ж... Видимо, не нашлось человека, который бы его остановил. Навсегда.

Иногда Андрей задумывался: а может, его искуплением был бы отстрел вот таких негодяев? Ну зачем им жить, когда умирают, гибнут замечательные люди, которым этот подонок и в подметки не годится? А он живет и процветает... Несправедливо ведь на самом-то деле?

Короткий удар в печень многие даже не успели заметить. Краснолицый побледнел и рухнул как подкошенный. Его парализовало от боли, и мужчина потерял сознание, застыв на полу. Никаких сложных приемов, телодвижений — короткий удар в правый бок, даже ребро не сломалось. Точная работа.

Шанти запрыгнула на столик, подошел вышибала. Он внимательно посмотрел на Андрея, на лежащего на полу дебошира и, покачав головой, укоризненно сказал неожиданно приятным и мелодичным голосом:

— Ну я же сказал ему: не нарывайся! Все-таки нарвался. Он тебе не помешал? Извини, я не успел — в углу там утихомиривал троих придурков. Пока до тебя дошел — уже поздно. Но ловко ты его уложил. Ты в боях за деньги не участвовал?

— Было дело... — усмехнулся монах. — Давно.

— Ага. Я сразу вижу бойца. У тебя взгляд такой... как у призового бойца. Взглянул — и как будто уже знаешь, как положить противника. Ладно. Ты его не убил? Что-то он лежит как мертвый... — Вышибала наклонился к дебоширу и пощупал пульс на шее.

Андрей присмотрелся к ауре забияки — печень была цела, только сильно ушиблена. Будет держаться за бок неделю. Ребра целы. Так что ничего страшного.

— Нет. Печень ему отбил, но не сильно. Будет жить.

— Ага, вижу. Да, после удара по печени особенно не разгуляешься. Я как-то пропустил такой удар — ой-ей как больно, выдохнуть можешь, а вдохнуть нет. Шчас я его вытащу отсюда, а ты не беспокойся — сиди отдыхай. Вон хозяйка тебе машет... видать, приглянулся ты ей. Ты ее не обижай, она женщина замечательная, только с мужиками ей не везет. А ты ей чем-то приглянулся, я видел, как она с тобой разговаривала. Смотри, обидишь — я сам тебя обижу, имей в виду. — Добродушное уродливое лицо вышибалы на миг стало страшным, и Андрею почему-то представился круглый ринг с ревущими в схватке, осыпающими друг друга ударами бойцами. Одним из них был вышибала.

Андрей тряхнул головой, видение ушло, а он улыбнулся и сказал:

— Верю. Я не собираюсь ее обижать, она и вправду славная женщина.

Вышибала тоже улыбнулся и добавил:

— Ты хороший парень. Сейчас я скажу, чтобы тебе принесли вина за счет заведения. Не самого лучшего, конечно, но приличного — за моральный ущерб.

Вышибала легко поднял стокилограммовую тушу нокаутированного дебошира и куда-то ее унес. Скорее всего, тут была комната для «отстоя» таких вот пьяниц, а может, и выкидывали на улицу, не разбираясь, что с ним потом будет, оберут его уличные урки или нет.

Снова забренчали струны, но это был уже не одинокий музыкант, а целый «оркестр» из четырех исполнителей. Они сели у стойки в углу и заиграли что-то веселое.

Люди сорвались с мест и пустились в пляс, притопывая и с гиканьем кружась. Андрей снова собрался было уходить — не по душе эти шумные игрища, — и тут ему принесли кружку с вином. Отказаться было как-то неудобно, тем более что хозяйка весело махала ему рукой от стойки, мол, пей на здоровье! Он поднял кружку, отсалютовал ей, и отпил глоток. Вино было вполне приличным, даже на удивление — отдавало виноградной косточкой, терпкое и в меру вяжущее. Андрей с удовольствием стал его пить — что-то давно он не пил ничего спиртного. Впрочем, оно на него и не действовало — алкоголь сразу разрушался в его организме оборотня, давая лишь дополнительные калории. Но вкус хорошего вина был приятен и навевал некие ностальгические воспоминания...

Музыканты заиграли спокойную музыку, для парных танцев, и Андрей заметил, что женщин в зале стало гораздо больше — проститутки, какие-то подружки гуляк и непонятные особы, род деятельности которых сразу и не определить. Может, купчихи, может, жены привезших товар купцов, не желающие оставлять своих благоверных в гнезде разврата без присмотра — мало ли что спьяну придет в голову. Мужика надо держать в ежовых рукавицах!

— Пойдем потанцуем? — Андрей увидел перед столиком Олру, улыбающуюся ему во все тридцать два белых ровных

зуба. Она успела переодеться, и на ней было платье, подчеркивающее формы и обнажавшее в декольте высокую грудь.

Андрей растерянно помолчал, а потом пожал плечами и сказал, не зная, как отказать, чтобы не обидеть:

— Я не умею танцевать. Там, откуда я родом, такие танцы не в ходу. — Он кивнул головой на вальсирующие пары.

Это и правда было что-то вроде вальса, так что он немного лукавил, когда говорил, что не умеет танцевать, — умел, но делал это так давно, так давно... что уже и не помнил когда. На выпускном балу в школе? Или на курорте, где он снял ту красотку, с которой потом зависал целую неделю? (Ему пришлось уехать не попрощавшись и оставить ее спящей в номере, обнаженную, пахнущую персиками и любовью. Он потом долго ее вспоминал, но наемный убийца не может привязываться к кому-либо, зная наверняка, что скоро придется бежать... что в конце концов и произошло.)

— Я тебя поведу, — улыбнулась Олра, — ничего сложного нет. Кошечка, ты позволишь мне забрать твоего кавалера? — Она с улыбкой посмотрела на Шанти, а та открыла на миг глаза и, потянувшись, улыбнулась кошачьей улыбкой и замурчала.

«Иди уж! Ну что с вами поделаешь — низшие существа. Вот драконы два раза в год тянутся друг к другу для спаривания — и ничего, живы. А вы готовы каждый час совокупляться. Тебе не кажется это ненормальным? Вижу — нет».

Андрей встал, обхватил партнершу за талию, и они закружились в веселом вальсе.

Мелькали стены, мелькали столы, а перед глазами Андрея стояло лицо Олры, улыбающееся и такое желанное... Он вначале не попадал в такт, но потом настроился и повел в танце, прижав к себе и всем естественным ощущая упругое тело партнерши, податливо прильнувшей к нему так, как будто они знали друг друга много-много лет.

Утром Андрей осторожно выпростал руку из-под головы Олры, раскинувшейся во сне и явно привыкшей спать в одиночестве — она по-хозяйски захватила все пространство, оста-

вив ему небольшую полоску вдоль края. Кровать была пышной, застеленной шелком, сбитым в комки после бурной ночи.

Андрею давно не было так хорошо с женщиной — Олга была неистощима на выдумки, не стеснялась своего обнаженного тела и не брезговала никакими способами доставить удовлетворение своему партнеру. Впрочем, и Андрей не отставал от нее. Женщина была очень чистой, ухоженной, пахла миндалем от каких-то притираний, а телом была под стать двадцатилетней красотке — никакого целлюлита или растяжек.

Стараясь двигаться бесшумно, Андрей оделся, но уйти незаметно ему не удалось. С кровати послышался голос Олры:

— Ты вернешься?

— Не знаю, — честно ответил Андрей. — Может быть. Может быть...

— Вот и все вы так, — вздохнула женщина. — Как только приличный мужик попадает, так сразу куда-то бежит, торопится... и пропадает. Куда вы все бежите? Жизнь проходит мимо, а вы все бежите, бежите, бежите...

Андрей присел на край кровати и ласково провел ладонью по твердому животу женщины. Она потянулась, закинув руки назад, и сладко зевнула.

— А хорошо было! Я уже полгода с мужчиной не была. Ты что думаешь, я всех в свою постель приглашаю?

— А разве нет? — ухмыльнулся Андрей, натягивая сапог.

— Тьфу, дурак! — Олга шутливо хлопнула его по спине тяжелой ладонью. — Знаешь же, что совсем не так! Последний мужчина, на которого я запала, жил у меня полгода... а потом уехал — какие-то мужские дела, не до семьи. Вам же семья ни к чему — перепихнулся и пошел, да? Если скажешь «да», я тебе врежу! — Олга весело засмеялась, но глаза ее были грустными, как у раненой косули...

Андрей серьезно помотал головой:

— Нет. Не так. Понимаешь... когда ты ведешь жизнь достаточно опасную, изобилующую делами, которые... в общем, привязываться к кому-то опасно. Можно навлечь неприятности на своих близких. Понимаешь?

— Понимаю. Я не спрашиваю тебя, чем ты занимался и занимаешься, не хочу знать. И вряд ли мне понравится то, чем ты занимаешься. Но человек ты хороший и добрый, даже сам не знаешь, насколько хороший и добрый. Я чувствую это, дар у меня такой — видеть людей такими, какие они есть. Вон вышибала, глянешь на него — урод уродом, страшила, зверь, а ведь он нежно любит свою молодую жену, у них две славные дочки... и добряк, каких мало. Если его не рассердить, конечно. Вот и ты такой же. Только, в отличие от него, красавчик. Тебе сколько лет? Тридцать? Двадцать семь? Или меньше?

— Хм... я гораздо старше. Неужели я выгляжу так молодо? — удивился Андрей. — С чего ты взяла?

— Ты меня разыгрываешь? — усмехнулась Олра. — Глянь-ка.

Она соскочила с постели и пошла к этажерке. Андрей залюбовался ее телом — Олра шла как танцовщица, покачивая крепкими бедрами. Ее талия была тонкой, и силуэт женщины напоминал греческую амфору. Фигура просто дышала здоровьем и красотой — и тем больше Андрей задумывался, как так оказалось, что она стала бесплодной?

Он сосредоточился на ауре женщины и обнаружил в ее животе сгусток черно-красного свечения — что-то и правда было такое, что не позволяло ей зачать. «Скорее всего, непроходимость маточных труб, — почему-то пришло ему в голову, и Андрей усмехнулся. — Может, в лекари податься? А что? Большие деньги бы имел... Хм... а если попробовать?»

Олра принесла зеркало, Андрей глянул в него и поразился: вместо мужика под пятьдесят лет на него смотрел приятный тридцатилетний мужчина, с черными, не тронутыми сединой волосами, с гладким, лишенным шрамов и каких-либо повреждений лицом... И правда — герой-любовник. Постоянные преобразования в Зверя и обратно привели к неожиданному результату — человеческое тело, в которое он возвращался, автоматически меняло состояние, становясь наиболее функциональным, здоровым и сильным, то есть телом тридцатилетнего мужчины. Фактически, чтобы избавиться от ран или шрамов, болезней, ему было доста-

точно перейти в Зверя и обратно. Это его позабавило и снова привело к мысли о том, сколько же он может прожить? Может... вечно?!

ГЛАВА 2

— Видишь? А ты говорил — гораздо старше. — Олра, улыбаясь, потеряла его волосы, стянутые кожаным ремешком в хвост на затылке. — А вот подстричься бы не мешало, тебе не кажется? Ну хоть подровнять. Хотя тебе и так хорошо.

— Погоди. — Андрей мягко отстранил ее руку, опрокинул ее на спину, обнимая женщину, и она ойкнула, а потом свернулась в комочек, прижавшись к его боку и глядя в лицо хитрыми глазами. Олра в этот момент почему-то так напоминала Шанти, что Андрей невольно улыбнулся и погладил ее по гладкому бедру. Женщина прижалась еще теснее и замерла, сопя ему в подмышку. — Скажи, Олра, как так получилось, что ты не можешь иметь детей? — начал он осторожно, ожидая любой реакции, вплоть до скандала и ругани.

Но ничего не произошло, она лишь на мгновение прекратила сопеть, а потом спокойно, даже очень спокойно ответила:

— Ты и вправду хочешь знать? Зачем тебе это?

— Вероятно, чтобы знать... разве знания бывают лишними?

— Некоторые — да. — Она отстранилась от Андрея и села на краю кровати, держась за спинку и глядя в пустоту. — Я расскажу тебе. Только после этого захочешь ли ты иметь со мной дело?

— А это уже предоставь решать мне, ладно? — хмыкнул Андрей.

— Мне было двенадцать лет. Была очередная война с Балроном. И меня изнасиловали пятеро пьяных солдат. Я еле выжила. А еще они наградили меня дурной болезнью. После этого я стала бесплодной. Где был мой отец в этот момент? Лежал в углу, с разбитой головой. Они ворвались к нам под утро, когда не было посетителей. Отец потом долгие годы болел, и его мучили припадки, поэтому он три года назад и скончался. По-

следние несколько лет я сама вела все дела, без него. Ну а я... я лечилась. Избавилась от дурной болезни. Шрамы на теле и внутри зажили. Вот только в душе шрамы остались да детей я больше не могу иметь. Хотел рассказа? Ты его получил. Теперь как? Прикоснешься к такой женщине, с дурными болезнями и ранами?

— Это были солдаты Балрона? — сглотнув, спросил Андрей.

— Нет. Наши, славские. Мы потом подавали жалобу, их искали, но не нашли. Вроде как не нашли. Да и что бы это изменило? Мы с отцом снова стали бы здоровыми? Нам вернули бы отнятую радость жизни? Если бы могла, я бы нашла их и убила — мучительно, страшно. Вот, смотри. — Олга подошла к столу, достала шкатулку и вынула из нее какой-то значок. — Это принадлежало одному из них. Он обронил, когда насильовал меня. Я отбивалась, как могла, но что двенадцатилетняя девчонка может сделать против здорового бугая? Я только помню тяжелый гнилостный запах из его рта и красный, с прожилками сосудов нос. От него воняло перегаром, чесноком, и из его рта капали слюни прямо мне на голую грудь... брр...

Андрей встал, подошел к женщине, обнял, прижав к себе, и взял ее руку в свою. Внезапно его прошибло чем-то вроде электрического удара, он даже вздрогнул — Андрей увидел владельца значка! Его грубое лицо с красным носом, его толстые губы и кривые желтые зубы, ощеренные, как будто он хотел укусить. Картинка исчезла, но лицо человека запечатлелось в памяти.

— Что с тобой? — обеспокоилась Олга. — Тебе плохо? Ты так вздрогнул...

— Нет, все нормально. А что с лечением, почему тебя не смогли вылечить?

— Не знаю. Болезнь вылечили. А потом оказалось — не могу зачать. Я уже всяко пробовала — думала, дело в партнерах. Но нет — во мне. Это точно. Лекари только руками развели. И все.

— А живот иногда болит? — вскользь поинтересовался Андрей.

— Болит. А ты откуда знаешь? — удивилась она. — Побаливает, да.

— Так... чувствую. Сейчас тоже болит?

— Болит... немного... Но я к этому уже привыкла.

— А хочешь, я попробую тебя вылечить?

— Ты что, лекарь? — Женщина удивленно вскинула брови.

— Нет. Но я тоже кое-что умею. Ну так как? Хочешь иметь детей или только прикидываешься? Решай быстрее, мне некогда, пора идти!

— Издеваешься? — отшатнулась Олра. — Не ожидала от тебя!

— Перестань. Никакой издевки. Иди ко мне! — Андрей подхватил закусившую губу женщину на руки и отнес на кровать. — Расслабься. Сейчас боль пройдет!

Он погладил Олру вдоль тела, женщина расслабилась и прикрыла глаза. Андрей коснулся ее ауры возле живота, где полыхал красный комочек боли. Его прошибло потом, но он сдержался и не отдергивал руку до тех пор, пока красное свечение не исчезло. Олра протяжно вздохнула и прошептала:

— Как хорошо... ох, как хорошо... мне давно не было так хорошо! И ничего не болит... Какие у тебя ласковые руки. Наверное, самые ласковые руки на свете!

Андрей криво усмехнулся, глядя на свои огромные кисти, свободно ломающие подкову и шею противника, и продолжил лечение.

Теперь предстояло самое сложное — убрать черноту. Хорошо, что там, где была нарушена структура тела, не было костей — их пришлось бы ломать. А спайки, рубцы могут легко рассосаться, если на них воздействовать как надо. А он умел — как надо.

Чернота медленно переходила на его ауру, светящуюся ярко и сочно, растворялась в ней, и на долю секунды аура потускнела, но затем снова засияла ровным, сильным светом. Андрей задумался над тем, какой силы должна быть болезнь, чтобы его аура потухла совсем, и не влияет ли вот этот принятый на себя недуг на здоровье.

Прислушался к себе, но ничего плохого не ощутил, никаких болезненных явлений, ни уколов, ни ломоты. Как было все, так и осталось.

Наконец последние остатки черноты ушли из Олры, блаженно закрывшей глаза. Андрей еще немного понаблюдал за ее аурой и добавил над животом оранжевого цвета, нагнетая его до полной яркости. Он не знал, почему так сделал, просто послушался интуиции.

Олра протяжно застонала, и вдруг ее живот стал дергаться, а все тело свело судорогой, не проходящей несколько минут. Это был мощный оргазм, такой, какие у нее были этой ночью, а может, даже сильнее.

Через минут пять она успокоилась, широко открыла глаза и хрипловатым от возбуждения голосом сказала:

— Кто ты такой?! Ты демон! Я никогда еще не испытывала такого наслаждения, думала, сейчас умру! Я потеряла сознание? Нет? У меня перед глазами точки плавают... ох ты... у меня слов нет. Может, не пойдешь никуда, повалеемся? Ну пожалуйста! Ну хоть полчаса! Успеешь к своим друзьям, никуда они не денутся! Ну пожалей меня, останься, мне так мало радости в жизни досталось!

— Спекулянтка! — хмыкнул Андрей и решительно потянул с себя сапог...

С Олрой он расстался только через час. Она была ненасытна, как течная кошка. И только когда он решительно оторвал от себя ее руки, женщина сдалась, но пригрозила, что, если он не придет вечером, найдет его и ищет до полусмерти. На том и сошлись.

Кстати сказать, одним из аргументов заманивания было обещание взять Андрея вместе со всеми друзьями на постой, на полное обеспечение — лишь бы делал то, что сегодня ночью. В устах другой женщины это прозвучало бы вульгарно, как будто ему предлагали отрабатывать постой своим телом, но в устах Олры это звучало весело и непринужденно — на нее трудно было обижаться. Она была откровенным и чистым человеком, настолько чистым, что даже трудно представить что-то такое чистое в этом черном, злом мире.

Он зашел в мойню и только потом направился в свою комнату. Проголодавшаяся Шанти извергла на него фонтан ругани. Она шипела, будто прохрудившаяся шина, и чуть не плевалась от ярости.

— Ты — мерзавец! Я подозревала, что ты мерзавец, но не до такой степени! — Шанти скакала как мяч и норовила тяпнуть партнера за ногу. — Ты там совокуплялся, как бродячий кот, а я... а я... у меня последний глоток молока был вчера! Почти месяц назад!

— Какой месяц? Ты с ума сошла? Ты же вчера вечером налопалась печенки, напилась молока так, что пузо раздулось, неужели так проголодалась?!

— Проголодалась?! Да я сейчас тебя сожру, если ты не обеспечишь мне кусок печенки и литр молока! А еще... а еще... я потом придумаю. Пошли скорее! — Шанти, задрвав хвост трубой, бросилась в коридор.

Ну что же, она заслужила право на раздражение — гулянки гулянками, но о тех, кого приручил, забывать нельзя. Андрей, усмехаясь, направился следом.

В зале было тихо. Следы вечернего безумства убраны, а из столиков занято только два — за одним сидят вчерашние купцы, а за другим... за другим Шанти, с урчанием пожирающая свежую печенку. Устроившаяся рядом Олра с улыбкой поглядывала на «кошечку», поглощающую угощение, как мусороборочная машина.

— Привет! Давно не виделись! — поприветствовала она любовника. — Сейчас принесут пироги. Они сегодня удались. Эй-эй, не лезь за деньгами, в самом деле! Я, наверное, себе могу позволить угощать тех, кого хочу. Надеюсь, ты не задурен предрассудками насчет того, что мужчине не пристало принимать подарки от женщин? Ну и славно. Ешь скорее. Мадра, принеси еще яблочного сока. С утра пить пиво совсем не аристократично, не правда ли, мой дорогой? — обратилась она к Андрею.

Тот фыркнул, а Мадра, вытаращив глаза, побежала исполнять заказ и обсуждать важную новость с товарками: «Хозяйка нашла себе нового мужика! Да такого красивого! Вот же везет!» — «Будет у тебя гостиница — тебе тоже так повезет».